

«КД» 20 мая 1988 года.

ВРЕМЯ ДОСУГА

О ПУБЛИКОВАННАЯ чуть больше года назад, пьеса М. Рошина «Седьмой подвиг Геракла» быстро привлекла к себе внимание многих театров. Только театральная Москва насчитывает сегодня уже три ее сценические версии. Спектакли эти настолько разные, что твердо объединит их, кажется, лишь конечная цель: связать между собой «век нынешний и век минувший», создать остросовременный, гражданский спектакль, рассказывающий прежде всего о нашем обществе и наших проблемах.

В мифологии седьмой подвиг — самый «невывырышный» для античного героя: это всего лишь очистка колоношен даря Англия от навоза (для чего Гераклу, впрочем, понадобилось запрудить целую реку — так сказать, зайти на мелиорацию...). Увы, и тогда понимали, что сказочная сила нужна не только для борьбы с лернейской гидрой или стимуляцией пшеницы. И все-таки для В. Лифшица, режиссера-постановщика спектакля театра-студии ДК шахты «Октябрьская», античный сюжет — не более, чем форма притчи, в которую смело вводится и множество примет сегодняшнего дня.

Все, что выстроено на сцене, выглядит в этом спектакле удивительно ненадежно, грубо, обыденно. Кучи хлама — старых газет, высокие шаткие мостки (чтобы герои могли передвигаться, не оказываясь по колено в «навозе»), грубо сколоченные стены — словом, какой-то барак-«временник», единственными украшениями которого являются бодрые нумачовые лозунги («перевыполним дзасочной!», «ура-а-а!» — и т. п.) и не менее бодрая музыка местного «эллинического» радио. Желание сокрушить и вычистить все это понимается у зрителя сразу, почти безотчетно. Но прежде чем произойдет желанный «катарсис» — очищение, героям предстоит пройти еще немало перипетий.

В спектакле московского Нового те-

Очищение Элиды

(ПЬЕСА МИХАИЛА РОШИНА В ПОСТАНОВКЕ ДОНЕЦКОГО ТЕАТРА-СТУДИИ)

ПРЕМЬЕРА

атра, недавно гастролировавшего в Донецке, Геракл (Н. Джигурда) предстает сочетанием незаурядной физической силы с органической неспособностью задумываться над окружающим. Живой, энергичный, «заводной» — и только. Не то в театре-студии. Его Геракл — А. Воробьев — прежде всего хочет понять: как же случилось, что граждане Элиды сами дошли до такого скотского состояния? Поэтому, прежде чем применить силу, ему нужно все увидеть своими глазами, разобраться не с быками, а с людьми. Против кого и ради кого? Не ответив себе на эти вопросы, он не примет окончательного решения. Лейтмотив этого образа — борьба с собой, сомнение, поиск, и впридачу едва ли не полное одиночество, которое герою так и не удается преодолеть.

...А между тем, пока Геракл упрямо ведет свое «расследование», Элида продолжает задыхаться в зловонии позанных парадов и административно-бюрократических забот. Режиссеру удалось представить вниманию зрителей небольшую, но внушительную галерею современных социальных типов: «простые» рабочие парни (Пониск — В. Пахомов и раб — А. Сахнов), мелкий начальник (Симплегад — С. Клименко), наконец — хитрый и энергичный «помощник» царя Англия (Мерниклимен — А. Грязев). Жизнь и узнаваемость этой бюрократи-

«Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой...»
(Э. ПОТЬЕ).

ческой лестницы — одна из лучших сторон спектакля. И уж, конечно, где, как не здесь, чувствует себя привычно Ата — единая и четырех лиц (И) богины лжи и обмана (к сожалению, из четырех исполнителей этой роли относительно удачно смотрится лишь Л. Харченко). Интересен и сам Ангил (А. Бойко) — массивный (все-таки сын бога Гелиоса!), недалекий умом — эдакая карикатура на бывшего героя, добившегося власти и успокоившегося. Соль спектакля в том, что все они — от царя до раба — приспособились к «зловонной» жизни, и не только не могут, но и не хотят никаких изменений. Даже Тезей (в сценичном, надо признать, исполнении С. Ковалева) постепенно привыкает к местному воздуху. Даже честный Нестор (С. Кудрявцев) и его молодой единомышленник Филипп (В. Лифшиц) не в состоянии добиться реальных перемен. Так что же — все-таки «герой» даст освобождение итигелям Элиды?

Казалось бы, спектакль движется именно к такому финалу. Геракл все-таки приступает (по плану Нестора) к очистке колоношен. Ангил задыхается от... хлынувшего в Элиду свежего воздуха, а безымянный раб вспоминает свое имя и принимает всеобщие поздравления. Этим, кстати сказать, и заканчивается

пьеса М. Рошина. Стены хлама рушатся, лозунги исчезают... Но что это?

Здесь зрительно спектакль стоит немотреться в происходящее. Финал, самостоятельно введенный в пьесу В. Лифшицем, выглядит неожиданным, но срганически смыкается со всем происходившим ранее. Все возвращается на круги свои: новое поколение принимает старые формы, и вот уже играет престижную музыку, и прежние лозунги возвращаются на прежнее место, и стены хлама возводятся вновь. А «диржирует» всем этим бывший раб, изменивший свое положение, но не изменивший старой рабской психологии!

Драма Элиды оказывается и драмой Геракла, на глазах которого совершается вся эта вакханалия. Он — герой — может сокрушить хлам, запрудить реку, победить в открытом бою — словом, бороться с конкретными, зримыми препятствиями. Но как перебороть всеобщую привычку к рабскому устройству жизни? Эта жизнь отторгает Геракла, она не нуждается в нем. И тут-то Геракл терпит свое — возможно, первое в жизни — поражение. Он ведет бой с тенью, он бросается на невидимого противника и падает, поверженный. Сцена, едва ли не лучшая в спектакле. В конце концов Геракл приходит в себя и... застывает в тисках раздумия, в той же позе, какую он занимал в самом начале спектакля.

...И все же я бы не назвал этот финал пессимистическим. Он реалистический: это финал-вопрос, финал-предостережение. Главная цель, режиссера, думается, в том, чтобы пробудить у зрителя самостоятельное, вдумчивое отношение к происходящему и на сцене, и за пределами зрительного зала. Достигает ли спектакль этой цели? На этот вопрос лучше всего ответить его будущим зрителям...

А. ПАНИЧ,
сотрудник областного Дома работников культуры.